

А. К. МАТВЕЕВ

ТЕРМИНЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЖИВОТНОВОДСТВА В СУБСТРАТНЫХ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ТОПОНИМАХ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Этимологическое изучение значительного числа субстратных прибалтийско-финских топонимов, засвидетельствованных на территории севера Европейской части СССР, позволило выяснить некоторые особенности их семантики, представляющие интерес как с лингвистической, так и с историко-этнографической стороны. В частности, в предлагаемой статье анализируются названия, связанные с лексикой земледелия и животноводства. Разумеется, рискованно на основе одних только топонимических данных восстаивать картины исторического прошлого того или иного народа, поскольку исследование, имеющее такую целеустановку, должно носить всеобъемлющий историко-этнографический и лингвистический характер. Однако автор приходит к некоторым обобщениям, основываясь исключительно на топонимических фактах, что следует рассматривать, конечно, только как попытку интерпретации одного вида источников. Как бы ни относиться к этим наблюдениям, публикация новых материалов в любом случае полезна для лингвистической и исторической науки.

Вопрос о хронологии топонимов представляет значительную трудность, но исходя из того, что микротопонимика в своем большинстве связана с верхним слоем субстратных географических названий, позволено считать интерпретируемые факты непосредственно предшествующими эпохе русской колонизации, а частично одновременными с ней (т. е. возникшими в период совместной жизни прибалтийско-финской чуди и русских на этой территории).

Топонимические данные свидетельствуют о том, что традиционное представление о чуди как о народе охотников и рыболовов по крайней мере неточно. На наш взгляд, В. В. Пименов прав, подчеркивая, что древние вепсы были знакомы с земледелием и что немаловажное значение у них имело животноводство¹. Земледельческая и животноводческая лексика отражена в субстратной прибалтийско-финской топонимике севера Европейской части СССР и свидетельствует о широком распростра-

¹ В. В. Пименов. Вепсы. М.—Л., 1965, стр. 74.

нении подсечно-огневого земледелия и некоторых видов животноводства у древней прибалтийско-финской чуди².

На земледелие указывает прежде всего существование детерминатива *-пелда* («поле»), который связан с фин. *peltto*, кар.-ливв. *peldo*, *peldo*, люд. *pelad*, *peldo*, *peud*, *peudo*, вепс. сев. *p'öud*, сред. *p'öld*, *p'eud*, *pöud*, *p'üud*, *piud*, юж. *pöud*, *pöüd*. Фонетически ближе всего к форме *-пелда* карельско-ливвиковские и людиковские данные. Ареал *-пелда* находится в нижнем течении р. Онега (*Канзапелда*, *Көшепелда*, *Пирзопелда*). Особенно интересен случай *Монепелды* (< фин. *moni*, карел., ливв., люд. *moni* «многий»), так как этимология подтверждается употреблением топонима во множественном числе (=«многополье»).

В Заволочье довольно часто встречаются и полукальки с русским термином *-поля* (мн. ч.), возможно, отражающие субстратный форматив *-пелда* (*-пелды*). Особенно они распространены в бассейне р. Мезени (ср. *Калполя*, *Палполя*, *Хоиполя*) и Кулоя (*Карполя*, *Никополя*). Может быть сюда же относятся и многочисленные названия на *-полье*, также широко распространенные в северо-восточном Заволочье (*Азополье*, *Карьеполье* *Сомполье* и др.), но встречающиеся и в других местах (ср. *Вавдиполье* в Карел. АССР).

Непосредственно на подсечно-огневое земледелие указывает географический термин *каска*, засвидетельствованный неоднократно в топонимическом употреблении; д. *Каска* по р. Онега, ур. *Каска* (у д. Еркино по р. Пинега), ур. и р. *Каска* (>Покшеньга>Пинега), ур. *Каска* по р. Сура (>Пинега), р. *Каска* в бассейне р. Обокша (>Сев. Двина), р. *Каска* (>Пуя>Вага). Название поля *Каска* отмечено 4 раза — три раза в Онежском районе Архангельской области (у деревень Кянда, Нижмозеро, Порог) и один раз в Плесецком районе той же области. Ср. также ур. *Каски* (по р. Свидь).

Основа *каска*-засвидетельствована в ряде топонимов; оз. *Каскозеро* (1. Каргопольский р-н Арх. обл., 2. Шенкурский р-н Арх. обл.), р. *Каскручей* (Каргопольский р-н), р. *Каскоя* (>Сура>Пинега), д. *Каскоменъ* (по р. Пинега), бол. *Каскоболото* (Онежский р-н Арх. обл.).

Географический термин *каска* известен в пинежских говорах (село Кеврола) в значении «расчищенное место в лесу». Отсюда в микротопонимике Кевролы: *Обросовская каска*, *Пестеньская каска*, *Василёвская каска*, *Грибовская каска*. В олонекских говорах *каска* — «срубленный для пожоги лес, подсека»³. Прибалтийско-финская этимология термина установлена Я. Калима, который сопоставляет *каска* с вепс. *kask*, карел. *kaski*, фин. *kaski* «пожога»⁴.

² М. А. Кастрен приводит легенды о том, что чуди Заволочская занималась земледелием и животноводством. См.: М. А. Castrén. Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. SPb, 1862, VII, Bemerkungen über sawolot-scheskaja Tschud, 92.

³ Г. Куликовский. Словарь областного олонекского говора. СПб, 1898, стр. 34.

⁴ J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen, MSFOu., XLIV. Helsinki, 1919, стр. 109 (в дальнейшем — OFR). Еще раньше элемент *kask* в топо-

Названия подобного типа обыкновенны в финской топонимике — *Kaskiniemi*, *Kaskiselkä*.

О широком развитии земледелия у чуди свидетельствуют также основы *озар-*, *пал-*, *раз-*, *риг-*, *хумал-*.

Основа *озар-* зафиксирована в названии поля *Озарнемо*, *Озарнема* (по р. Выя > Пинега) и восходит к фин. *ohra*, карел. *odra*, *ozga*, *oz'ga*, *ósra*, ливв. *ozru*, люд. *ozr*, *ozre*, *ozru*, вепс. *ozr*. «ячмень». Этот топоним явно вепсско-людиковского типа с эвфонической эпентезой *a* (на карельско-ливвиковской почве было бы **Озарнема* или **Озарнемь* > **Озарнемь*, ср. карел. *osraniemi*)⁵.

Множество названий Заволочья содержат основу *пал*; *Паломень*, *Палованга*, *Палега*, *Палова* (9 раз), *Палсора*, *Палуй*, *Палея*, *Палуя*, *Палуга* (4 раза), *Палощелье*, *Паломох*, *Палозеро*, *Палручей*. Ср. фин. *palo* «пожар», карел., ливв. *palo*, *рало*, люд. *рало* «пожар», «пожога», вепс. *palo* «пожога». Ср. также финский топоним *Paloniemi*.

Основа *раз-* зафиксирована в названиях *Разнаволок* (мыс в Онежской губе) и связана с фин. *rasi*, карел.-ливв. *rasi*, *raši*, *raši*, *razi*, *razi*, *razi*, люд. *razi*, *razi*, юж.-вепс. *razagat* «подсека, оставленная на второй год (которую не сожгли)».

В низовьях Сев. Двины засвидетельствована основа *риг-* (*Ригомина*), отмеченная также в бассейне Пинеги (р. *Ригова*). Ср. в Карелии *Риг-остров*, *Ригикоски*, *Риговарка*, *Ригорека*, *Ригосельга*, в Финляндии — *Riihiniemi* (фин., карел.-ливв. *riihi*, люд. *rihi*, *rih*, вепс. *rihi*, *r'ih*, *riih*, *r'ih* «рига, овин»).

Наконец, к этой же группе топонимов относится название мыса *Хумалево* (по р. Выя > Пинега), связанное с фин., кар. *humala*, «хмель», ливв. *humal* «опьянение», люд. *humal*, вепс. *humal* «хмель» (< **Хумал(а)немо*).

Думается, что приведенные примеры свидетельствуют в пользу существования подсечно-огневого земледелия у прибалтийско-финской чуди Севера и даже указывают на некоторые культуры (ячмень, хмель).

Основа *канз-* (*Канзапелда*, д. по р. Онега, три реки *Канза* в бассейнах Онеги, оз. Лача и Сев. Двины, р. *Канзова* > Ниж. Тойма > Сев. Двина и оз. *Канзово* в Белозерском крае) в какой-то мере указывает на социальную сторону земледелия (< вепс. *kanz* «семья»; ливв. *kanzu* «семья»⁶, ср. фин. *kansa* «народ, люди», карел. *kañza* «народ, люди, общество, компания»).

Обратимся теперь к сфере животноводства. Косвенное указание на животноводство можно усмотреть в основе *хайн-* (очень архаической по своей фонетической форме), отраженной в топонимах — мыс. *Хайнаволок* (< **Хайннаволок*) на Онежском полуострове, р. *Хайнручей* (Онежский р-н Архангельской области), бол. *Хайнаское* (басс. р. Онега)

нимах *Каскогорская*. *Касконемская* был выявлен и отождествлен с фин. *kaski* М. А. Кастреном (Цит. раб., стр. 95, 97).

⁵ V. Nissilä. *Suomalaista nimistöntutkimusta*. Helsinki, 1962, стр. 61.

⁶ Пример извлечен из рукописи ливвиковского словаря Г. Н. Макарова.

и четыре реки с названием Хайнова в бассейне Пинеги. Эта основа восходит к фин. *heinä*, карел. *heinä*, ливв. *heinü*, люд. *hein*, *hein*, *heine*, *heine*, вепс. *hein*, *hīn*, эст. *hein*, юж.-эст. *hain* «сено, трава».

Столь же косвенное указание на наличие животноводства находим в полукальках с детерминативом *-пояня* (*Лампояня*, *Ладпояня*, *Керпояня*).

Непосредственно с животноводством связано название деревни *Фёх-тальма* (по р. Онега), которая в XV веке называлась *Хехъталема*⁷ (<фин. *hieho*, *hieho*, *hehko*, *hehto* «телка», карел. *hiehkoni* «молодая корова»).

Еще более интересна основа *хярг-*, отраженная в названии ур. *Хяргокор* (Белозерский край)⁸ и р. *Хярга* (>Пинега) и связанная с фин. *härkä*, карел. *härkä*, лив. *hārgū*, люд. *hārg*, *hāрге*, вепс. *h'ārg*, *hārg*, эст. *hārg* «бык».

Наконец, заслуживает внимания основа *карье-*, зафиксированная в мезенских названиях *Карьеостров*, *Карьеполье* и топониме *Карьемин(а)* в низовьях Сев. Двины⁹. Здесь отражено фин., карел., вод. *karja*, ливв. *karju*, люд. *kard'*, *kard'e*, эст. *kari* «скот, стадо».

Приводя топонимические факты, свидетельствующие о развитии земледелия и животноводства у древней прибалтийско-финской чуди, некогда обитавшей на территории севера Европейской части СССР, мы, конечно, не в состоянии с полной уверенностью ответить на вопрос, были ли известны чуди эти отрасли хозяйства до прихода русских или нет. Однако в пользу их глубокой древности и бытования в дорусский период истории чуди свидетельствует общеприбалтийско-финский характер почти всех из упомянутых слов.

⁷ Н. С. Чаев. Северные грамоты XV в. Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 годы. Вып. 35. Л., 1929, № 55, стр. 158.

⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. 3. М., 1964, стр. 459 (№ 475).

⁹ Сборник грамот коллегий экономики, т. 1. Петроград, 1922, № 311, стр. 326.